

После третьего совместного задания они оказались в Больничном крыле, оба восстанавливались после повреждений, нанесённых заклинаниями. От мощного оглушающего удара переодетого Муди она упала на землю, разбив череп о камень. Лианы грубо растащили ее по грязи, исцарапав открытые участки тела и оставив на них грязные раны. Но Гарри было гораздо хуже. Она молча, с нарастающим ужасом слушала, как целительница, которую они называли мадам Помфри, перечисляла его диагнозы; травмы и страдания были ужасающими, но он переносил их так же легко и спокойно, как и весь год.

Поздно вечером она приняла решение. Это решение было почти бессознательным, поскольку она понимала, как важно дать выход темным чувствам, гноившимся внутри. Она соскользнула с кровати и подкралась к занавескам, окружавшим чемпиона Тривизарда; ткань была отодвинута, чтобы можно было заглянуть внутрь. Он не спал, его колени были подтянуты к груди, а глаза опасно и призрачно блестели в бездне ночи.

Она мягко присела, нежно заговорила, и он прерывисто начал. Они проговорили до самого утра нового дня; оба предлагали друг другу частички себя и находили, что разговаривать с незнакомцем, который вылетит из их жизни так же легко, как и вошел в нее, очень просто. В этом была какая-то легкость, словно шепчешь секрет камню, который бросаешь в море. Спокойное доверие к предрешенному решению.

Когда солнце заглянуло за горизонт, заливая тусклым красно-оранжевым светом затененный лазарет, она наконец оставила его, чтобы они оба могли притвориться спящими. Она осталась только лежать без сна, размышляя о том, как у такого измученного мальчика на пороге зрелости могла быть такая добрая душа. И размышляла о том, в каком состоянии находится ее собственная.

Молодой человек повернулся и заметил ее; его лицо было изможденным, а глаза стали еще ярче из-за темных кругов вокруг них. «Флер, - прошептал он, едва слышно прошелестев по ветру, дующему в ивняке.

Такие похожие и в то же время такие разные, подумала она, когда сердце странно забилось в груди. Она подошла к нему и заняла место рядом с ним. Не было сказано ни слова, в этом не было необходимости: не здесь и не сейчас. Он не нуждался в ее словах, а у нее не было ни одного, которое могло бы его утешить. Ее присутствия будет достаточно, по крайней мере она надеялась, что так и будет. Хотя она сомневалась, что это возможно. Она прекрасно понимала, кем позволила себе стать.

Девушка вздрогнула, обдумывая свои действия в новом свете. Как она стала плохо отзываться о тех, кто ее окружал, чтобы скрыть собственный страх; снисходительно относиться к тем, кого считала ниже себя, чтобы возвыситься. Стыд, который молча стоял рядом с ней, чья воля к преодолению личных обстоятельств не заставила его сломаться и капитулировать, как это случилось с ней. Там, где она потерпела неудачу, он выжил и добился своего.

Она всю жизнь была пугающе неустойчивой смесью гордости и неуверенности в себе, демонстрируя надменность, присущую только самым полым людям. Мать учила ее быть

сильной и гордиться тем, кто она есть, но Флер вместо этого облачилась в дешевую имитацию самоуважения, которое ее мать действительно имела в виду.

Ее мать... как больно было думать о ней. Их отношения становились все более болезненными с конца третьего года обучения в Шармбатоне. При воспоминании о том, как мать плакала при мысли о том, от чего Флер готова отказаться, чтобы стать «нормальной», ее пронзило сожаление.

Сейчас, стоя на берегу, французенка уже не знала, что такое нормальность и зачем она вообще к ней стремится.

«Ты скоро уедешь». Голос был хриплым и старым. Он звучал непривычно и печально.

«Oui», - ответила она, английский язык все еще странно звучал в ее устах. Странное чувство головокружения заставило слова слететь с ее губ без раздумий. Она укорила себя, позволив воспоминаниям о том, как в последний раз она говорила необдуманно, послужить напоминанием о том, почему она всегда должна держать себя в руках.

«Спасибо, - начал он, - за ту ночь». Дальнейшие подробности были излишни, поскольку оба прекрасно понимали, что он имеет в виду. Молодой человек повернулся, его глаза были жутко живыми по сравнению с мертвым тоном его речи.

Она издала горловой звук согласия и вывернула шею, чтобы скрыться от его пристального взгляда и мыслей, которые он вызывал.

В воздухе воцарилась тишина: волны плескались в нескольких дюймах от их ног. Ивы колыхались на ветру, их ветви стелились по поверхности воды. Она почувствовала внезапное желание что-то сказать, и неизбежное расставание придало ей смелости, чтобы сказать то, что иначе она бы не сказала.

«Я приду сюда завтра и послезавтра, если ты захочешь».

Он улыбнулся.

XXXXXXX

Последние полторы школьные недели черноволосый мальчик и серебристоволосая девочка каждый день сидели вместе под ивой у озера. Иногда они не разговаривали ни о чем, а в другие дни проводили время в беседах на несущественные или важные темы.

За день до отъезда из Шармбатона Флер приняла решение. Решение, которое было подкреплено приближающейся окончательностью их странного общения. Убедившись, что не позволит себе сомневаться, она принесла свою виолончель на берег озера.

Она ждала его на зачарованном стуле, и когда он пришел, то даже глазом не моргнул, присев у кромки воды и полностью отдав ей свое внимание. Заметив его пристальный взгляд, она приготовилась преподнести ему достойный прощальный подарок.

Ведьма глубоко вздохнула: ей редко доводилось играть перед кем-то, кто не был знаком с ее семьей или преподавателем. Незнакомые люди на концертах были довольно простыми, она была уверена, что больше никогда их не увидит. Но когда она подняла смычок, просчет внезапно дал о себе знать. Гарри уже не был таким чужим, она знала его, а он, в свою очередь, знал ее. Конечно, им не хватало многих мелочей и подробностей жизни друг друга, но характер человека с тех пор стал понятен.

Тогда ее поразило, что, хотя она и уезжает, эта песня останется с ней. Не с незнакомцем, а с другом. С другом, чье упорство в испытаниях и невзгодах оказало на нее глубокое влияние, как кратер кометы на Луну. Он неосознанно и невинно показал ей всю глупость фасада, за которым, как она убеждала себя, ей следовало быть. Теперь она видела, насколько хрупкой была ее броня, насколько слабым был ее дух.

Пауза затянулась, но его глаза по-прежнему были устремлены на нее; зеленый взгляд был таким же обескураживающе внимательным, как и всегда. Эти глаза видели больше, чем положено столь юной особе; глаза стали древнее от того, что им уже довелось увидеть.

<http://tl.rulate.ru/book/117297/4672099>